

Влияние Достоевского на Камила Петреску

Румынские писатели, работавшие в период затишья между двумя мировыми войнами, продемонстрировали большую любовь к творчеству Ф. М. Достоевского. Одним из редких исключений стал Каamil Петреску (1894—1957), автор переведенного на многие языки мира романа «Последняя ночь любви, первая ночь войны» («Ultima noapte de dragoste, Intaia noapte de razboi», 1930). Петреску назвал Достоевского «эпигонем в роде Эжена Сю» («epigon al lui Eugene Sue». — *пер. Д. Ш.*), а его творчество — «русскими банальностями» («roncifele rusesti». — *пер. Д. Ш.*) [Loghinovskaia 2003: 8]; заявление было сделано в ходе конференции 1938 г. [см.: Pillat 1976: 77], на которой присутствовал исследователь творчества Достоевского Дину Пиллат, тогда бывший еще учеником лица. Однако стоит отметить также и то, что в 1945 или 1946 г. Петреску, согласно воспоминаниям другого румынского достоевиста Александру Палеологу, читал лекцию о Достоевском, где указывал на роман «Братья Карамазовы» как на произведение, которое «увеличило знание о мире» [Paleologu 1980: 92]. К сожалению, оба свидетельства — и 1938, и 1945/46 гг. — не задокументированы, поскольку стенографическая запись выступлений не велась, и обратиться напрямую к сказанному Петреску мы не можем.

Ссылки на творчество Достоевского у Петреску встречаются очень часто (упоминание старца Зосимы в «Последней ночи любви, первой ночи войны», Смердяков как эталон уродливости в самом начале романа «Прокрустово ложе» («Patul lui Procust», 1933), спектакль по «Братьям Карамазовым» в рассказе «Те, кто расплачивается жизнью» («Cei care platesc cu viata», 1950) и т. д.). При этом Петреску относился к русскому писателю весьма неоднозначно, и порой специалисты склоняются к мнению, что он ненавидел Достоевского — это, возможно, и отталкивает румынских исследователей творчества Петреску и Достоевского.

В доказательство того, что румынский прозаик действительно, при всем своем неоднозначном отношении к Достоевскому, был подвержен влиянию последнего, приведем ряд сюжетных аналогий из самого, пожалуй, известного романа Петреску «Последняя ночь любви, первая ночь войны». Сюжет романа заключается в следующем. Штефан Георгидиу, бедный студент философского факультета, женится на своей соученице Элле; затем он внезапно получает наследство своего дяди, которое превращает Штефана в достаточно богатого человека, теперь ему нет нужды думать о деньгах. Финансовые дела семьи неожиданно увлекают и Эллу, которая меняется на глазах у мужа — в ее характере проявляются жадность и торгашество. Однажды Элла встречает Г. и заводит с ним сложные и мучительные для всех участников любовного треугольника отношения. Штефан отвечает ей изменой с женщиной легкого поведения, интрижками в свете, однако не может жить без Эллы. Несколько раз сойдясь и расставшись с женой, терзаясь ревностью, Штефан уходит на войну — на дворе 1918 г., Первая Мировая война достигает границ Румынии. Недолго пробыв на войне, Георгидиу после ранения возвращается в Бухарест. Война преобразует его — открыв для себя новую систему ценностей, герой понимает, насколько бессмысленными были страдания из-за неверности жены. Оставив Элле все имущество, он разводится с ней, чтобы начать новую жизнь.

Между Штефаном Георгидиу и главным героем романа Достоевского «Преступление и наказание» Раскольниковым есть немало общего. Оба они студенты, бросившие курс гуманитарных наук, правда, Штефан бросил философский факультет из-за проблем во взаимоотношениях с женой, а Раскольников — юридический из-за безденежья. В начале романа оба бедны. Оба имеют свою теорию, касающуюся права на жизнь («Не принадлежу ли я к низшему разряду людей?..» [Петреску 1979: 267]).

Раскольников и Георгидиу испытывают соблазн убийства, но если Штефан устоял перед ним, то Раскольников нет. Оба находят правду и открывают настоящую жизнь в единении с народом, первый — попав в армию, а второй — в тюрьму.

Оба героя — атеисты, но если Раскольников в конце концов находит Бога, то Штефан даже на войне остается атеистом («Молиться богу?.. <...> Я не верил в Бога, не верю и сейчас, когда стою на пороге смерти» [Петреску 1979: 207]). Однако сознание Штефана крепко связано с христианством — в романе практически все даты обозначены не годом, днем и месяцем, а праздником в честь святого («В день святого Константина и Елены она была на скачках, снова с Анишоарой и ее мужем» [Петреску 1979: 128]; «До дня святой Марии!..» [Петреску 1979: 149]; «В день святого Димитрия наш столъ богатый и столъ же скупой дядюшка созвал родственников на торжественный обед» [Петреску 1979: 21]), а портретные характеристики всех ключевых женских персонажей в качестве обязательного атрибута включают отсылки к образу Мадонны или других христианских святых (такие портреты — Элла и цыганка Гретхен: «Через десять шагов я оборачиваюсь: она все еще стоит там, босиком в грязи, в своем голубом гретхенском фартучке и с зонтиком, отбрасывающим розовый ореол на ее овальное оливковое личико святой грешницы» [Петреску 1979: 215]).

Штефан — это Раскольников, который еще не дошел до принятия Бога, возможно, из-за того, что его страдания были не так сильны, а душа менее восприимчива, или из-за того, что ему не встретилась на пути своя Сонечка Мармеладова — духовную эволюцию он переживал в одиночку, Эллу нельзя считать спутницей на духовном пути.

Создается впечатление, будто Петреску, строя свой роман на обретении смысла жизни и пресловутой гармонии атеистом, который даже под пулями не принял Бога и который остался абсолютно одиноким в мире, пытается опровергнуть тезис Достоевского о том, что через веру и страдание возможно очищение человеческой души и возвращение гармонии. Страдание же в романе Петреску подается как элемент ненужный: вся первая книга, «Последняя ночь любви», повествует о жизни неправильной, где есть ревность, деньги, интриги, безумная, болезненная любовь к женщине и измены, в то время как вторая, «Первая ночь войны», показывает истинную жизнь, лишенную лжи и фальши

— там присутствует страх, но страдание как таковое отсутствует, Штефан счастлив, и как раз через страх и любовь к ближнему он избавляется и от намерения убить жену, и от ревности.

Избавиться от желания убить Георгидиу помогает опыт общения с народом. При этом Штефан сохраняет идею о том, что не все достойны жить: страх смерти не способен заставить Георгидиу повернуться к Богу, вместо этого герой задается вопросом, явно навеянным романом Достоевского: из одного ли теста слеплены люди, и если существует низший разряд людей, не является ли Георгидиу одним из низших? Возможна и связь с идеей Достоевского о народе-богоносце, народе избранном, выделенном среди других, которая красной нитью проходит через весь роман «Братья Карамазовы». Но Петреску думает о румынах куда более пессимистично: допуская вслед за Достоевским мысль, что существует «избранная раса», он задает вопрос, не является ли румынская нация низшей. От частного случая, от анализа собственных слабых сторон, таких, как недостаток смелости, Штефан переходит к оценке целой нации — румынов, пытаясь найти ответы на мучающие его вопросы в изначально заложенных в народе чертах:

«И в самом ли деле существует избранная раса, раса людей, которые способны на то, на что не способны мы? Но тогда я должен сделать соответствующие выводы, пересмотреть всю историю моего народа, выяснить все его будущие отношения, его планы на будущее, которые следует соотнести с его скромными возможностями?» [Петреску 1979: 269].

Упомянутые уже выше постоянные сопоставления Эллы с Мадонной или ее иконическими изображениями, в целом нехарактерны для писателя. Поэтому вполне возможно, что это сравнение Камил Петреску «подсмотрел» у Достоевского. У последнего Мадонна появляется в случаях, когда говорится о чем-либо возвышенном и идеальном: в «Преступлении и наказании» невеста Свидригайлова сравнивается своей невинностью и нежностью с Сикстинской Мадонной («А знаете, у ней личико вроде Рафаэлевой Мадонны» [Достоевский 1973: 369]), в «Бесах» Сикстинская Мадонна — олицетворение всего искусства,

прекрасного и бесполезного, защищаемого Степаном Трофимовичем Верховенским (он называет ее «царицей цариц», «идеалом человечества» [Достоевский 1974: 265]), а князь Мышкин в «Идиоте» сравнивает с Мадонной Гольбейна лицо Александры Епанчиной. Петреску употребляет сравнение с Богородицей после измены Эллы, причем характерно, что вектор психологического движения здесь обратный, развернутая метафора построена на отказе героя от изначального восприятия Эллы как Мадонны:

Бывают случаи, когда после удачной промывки старой картины эксперт обнаруживает под банальным пейзажем мадонну какого-нибудь из великих мастеров Возрождения. По жестокой иронии судьбы я постепенно обнаруживал под ликом мадонны, которую я считал подлинной, — оригинал картины: жалкий пейзаж и чуждый, вульгарный портрет. <...> Она снова появляется в окне, накинув на плечи голубой пуховый халатик, и посылает мне улыбку, словно поцелуй оскорбленной мадонны. Это — страдающая, верная и утратившая надежду красота [Петреску 1979: 81, 160].

Во второй части романа с иконой сравнивается и товарищ Штефана по полку, в госпитале показывающий друзьям, что у него нет ног, но сравнивается он с иконой поруганной («Никулае Замфир, все так же с поднятым одеялом, улыбается доброй, отсутствующей улыбкой, словно икона, которая не знает, как ее изуродовали копьями» [Петреску 1979: 304]). С ангелочками «Сикстинской Мадонны» сравниваются цыганята, стоящие на коленях в грязи и воде и умоляющие Штефана не наказывать за кражи, когда тот является в деревню проверить, кто обворовывает соседние села («Они хорошенькие, как ангелочки с “Сикстинской мадонны” Рафаэля» [Петреску 1979: 212]). В этом эпизоде нет ничего возвышенного — это откровенно абсурдная, фарсовая сцена, во время которой Штефан выглядит крайне глупо, пытаясь напугать жителей табора, мольбы же детей — прием, который часто используется ими для того, чтобы разжалобить того или иного человека в своих целях, и никакого высокого смысла не имеют. Сравнением Петреску скорее показывает свое

пренебрежение по отношению к картине Рафаэля, нежели возвышает детей-ангелочков; более того, этим сопоставлением он подчеркивает абсурдность ситуации.

Складывается такая картина: в половине, если не больше, приведенных случаев Петреску, говоря об иконах и Богородице, говорит об образе деформированном, испорченном, в то время как у Достоевского Мадонна всегда прекрасна и неприкосновенна. Не следует ли здесь видеть скрытый спор с Достоевским? Не является ли выделение на полотне «Сикстинской Мадонны» не Мадонны и не Младенца даже, а ангелочков, и, более того — сравнение их с грязными цыганятами, вызовом Достоевскому? Ведь не случайно Камил Петреску выбрал именно эту картину. Если Достоевский говорит о Мадонне исключительно как о возвышенном, как об эталоне прекрасного, то не назло ли ему Петреску всячески снижает образы любимой Достоевским картины, а саму Мадонну наделяя порочностью, невидимой взгляду (так, после сравнения Эллы с оскорбленной Мадонной Петреску тут же приводит сравнение с кокоткой). В то же время икона поруганная — образ высокий. Петреску переворачивает все с ног на голову.

Говоря о встревоженном Нае Георгидиу, дяде Штефана, богатым человеке, чей сын серьезно болен, Петреску замечает:

В последнее время писатели особенно увлеклись известной истиной: не существует людей «только добрых» или «только злых», эти крайние варианты встречаются лишь в мелодрамах. И в результате пришли к смешению нравственных качеств, при котором определяющую роль играют произвол и случай. Писатель такого рода склонен был бы видеть в страданиях и отчаянии Нае Георгидиу элемент доброты и доказательство человечности [Петреску 1979: 51].

Как нам кажется, таким образом Петреску отсылает нас к известному персонажу, отцу Илюши Снегирева из «Братьев Карамазовых». Если Достоевский утверждает, что в человеке сочетаются и карамазовщина, и святость (Алеша Карамазов), ранимый мечтатель с идеалами и бесы (Верховенский, Ставрогин, Шатов, Кириллов, Раскольников и др.), то Петреску пытается

свести всех персонажей к определенным типам: восторженный наивный Михай Опроу и его коварный одноклассник («Перчатки»), благородный Ладима и прекрасная Адина Дэною, не пережившая любви («Смерть чайки»). Герой у румынского прозаика либо однозначно положительный, либо отрицательный. Однако в романе «Последняя ночь любви, первая ночь войны» Камил Петреску идет против самого себя, в характере Штефана Георгидиу объединяя высокие и низкие душевные качества: и известную наивность, и горячность, и холодную жестокость («Жена страдала от ревности. Я чувствовал, что она сейчас — игрушка в моих руках. Я мог ее унижить, заставить мучиться еще больше, но что толку?» [Петреску 1979: 99]; кроме того, следует отметить, что Штефан терзает свою жену на протяжении всего романа, несмотря на то, что поначалу хочет быть выше этого), и благородство, и склонность к философствованию, и порывистость, и уверенность при всем этом в самостоятельности своего суждения и рассудительности. Иными словами, Штефан сочетает в себе и положительные, и отрицательные черты, и оказывается тем смешанным характером, который зависит от случая, и который так порицает в современной ему литературе Петреску. Ведь на войне Штефан благороден, там мы видим его наилучшие качества, в то время как в любви он зачастую ведет себя низко.

В самом конце романа Петреску приводит практически прямую цитату из Достоевского, указав при этом на источник. После выписки из госпиталя между Штефаном и его боевым товарищем Оришаном происходит следующий диалог:

— Ну как, еще думаешь о революции?

— Нет, как старец Зосима у Достоевского, я тоже преклоняюсь перед «надвигающимся несчастьем» [Петреску 1979: 305].

Петреску, как видно из нашей статьи, отталкивался от идей Достоевского, споря с ними и пытаясь опровергнуть, однако это удавалось далеко не всегда, а художественные приемы Достоевского, декларативно отвергнутые Камиллом Петреску, тем

не менее подспудно проникали и в его собственное творчество. Налицо попытка скрытой полемики с русским автором, несмотря даже на отрицание ценности наследия Достоевского в целом.

СОКРАЩЕНИЯ

Loghinovskaia 2003 — *Loghinovskaia E. Dostoievski si romanul romanesc*. Buc., 2003.

Paleologu 1980 — *Paleologu Alexandru. Ipoteze de lucru*. Buc., 1980.

Pillat 1976 — *Pillat Dinu. Dostoievski in constiinta literara romaneasca*. Buc., 1976.

Достоевский 1973 — *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1973. Т. 6.*

Достоевский 1974 — *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1974. Т. 10.*

Петреску 1979 — *Петреску Камил. Избранное / Пер. З. Потаповой, Е. Логиновской. М., 1979.*